

СКАЗКИ ПРОКЛЯТОГО ГОРОДА ТЁМНОГО

ВОЛК КНЯЗЬ

ТОМ III

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Волк Князь

**Сказки проклятого
города тёмного. Том III**

«Автор»

2026

Князь В.

Сказки проклятого города тёмного. Том III / В. Князь — «Автор»,
2026

Вы когда-нибудь собирали чужие страдания, чтобы воскресить своё? Лира — ведьма-изгнанница. Её цель — двадцать четыре ингредиента. Плакун-трава с болота, где тонут невинные. Прах младенца, задушенного матерью. Крылья бабочки, раздавленной на Пустоши Позора. Но есть тот, кто платит за билет. Бездушник. Демон-наблюдатель. Он приходит туда, где боль всего гуще, и предлагает сделки. Память. Слабость. Мгновение страха — в обмен на помощь. Третий том — роман о ведьме, её тени и цене, которую не называли в первых двух книгах. «Котёл чёрной лисы». Также в книге: «Сосуд сожаления» — бутылка с лицом внутри шепчет: «Загадай желание» «Филокс. Зов Гремлина» — внутри пушистого зверя просыпается тень. «Тёмный парк» — зайди вечером на аллее и услышишь голоса тех, кто не вернулся. Добро пожаловать в Город Тёмный.

© Князь В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Котёл чёрной лисы	5
Глава 1. Лист болотный	6
Глава 2. Травы лесные	9
Глава 3. Мох с могилы горбуна	13
Глава 4. Ковыль, в полях не замёрзший после метели	17
Глава 5. Труп кошачий, сохший под солнцем	21
Глава 6. Чарка красного вина	25
Глава 7. Кусок коры смолянистой согнутой ели	31
Глава 8. Прах младенца, что в колыбели матерью задушен был	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Волк Князь

Сказки проклятого города тёмного. ТомIII

Котёл чёрной лисы

«Трижды обойди свою боль, прежде чем посадить её в котёл.

Первый раз — чтобы измерить.

Второй — чтобы проклясть.

Третий — чтобы понять, что варить ты будешь лишь пепел от собственных рук.»

Глава 1. Лист болотный

Дождь здесь не шёл. Он просачивался. Медленно, упрямо, как гной из нарыва на теле мира. Воздух в Гнилом Урочище был густым и сладковатым, с привкусом разложения и металла — будто кто-то забыл здесь мешок с прокисшими ягодами и ржавыми гвоздями.

Лира стояла по колено в чёрной, маслянистой жиже, которая не была ни водой, ни землёй. Она была могилой всего, что тонуло здесь веками. Её рыжие волосы, обычно похожие на схваченный ветром огонь, висели тяжёлыми, влажными прядями. Высокая шляпа с клыками отбрасывала на её бледное лицо глубокую тень, скрывая всё, кроме сжатых губ да золотисто-зелёного блеска глаз, высматривающих цель.

Цель была проста: болотный лист. Не первый попавшийся, а особый — тот, что вырастает на третий день после утопления невинной души. Его жилки должны были быть прочерчены багровым, как лопнувшие капилляры в глазах утопленника.

— Мрак, — её голос прозвучал хрипло, нарушая давящую тишину болота. — Где он, сука?

Из тени, отбрасываемой мёртвым, облезлым ольхой, выступила тьма. Нет, не тьма — Мрак. Его чёрная шерсть сливалась с гниющим мхом, только рыжеватый подпал на брюхе слабо тлел, как уголёк под пеплом. Он сел на корточки, его лисья морда с вертикальными зрачками была неподвижна. Длинный хвост с пепельными кольцами лениво хлестнул по воде, не издав ни звука.

Потом он медленно повернул голову. Его янтарные глаза остановились на небольшой прогалине между коряг, где на поверхности чёрной плёнки болота лежало что-то, напоминающее тело. Не тело человека. Тело самой топи — вздущееся, покрытое плесенью и тиной.

Лира двинулась, вода с неприятным чавканьем расступалась перед её высокими сапогами. Холод проникал сквозь кожу, через мышцы, прямым в кости. Но внутри у неё горело. Маленькое, тлеющее пламя злости. Невинная душа. Где он, этот ебучий лист, взял свою невинность? Скорее всего, у какой-нибудь девицы, что пошла за любимым в трясины и нашла там вместо него холодные руки топи.

Она наклонилась над тем местом. И увидела его. Лист, тёмно-зелёный, почти чёрный, размером с её ладонь. Жилки на нём действительно были багровыми. И они пульсировали. Слабо, едва заметно, в такт какому-то замедленному, утробному ритму болота.

— Вот ты где, ублюдок, — прошептала Лира, и на её губах появилась улыбка, лишённая всякой теплоты.

Она не стала рвать его голой рукой. Из складок её разрезной юбки она достала маленький серп с рукояткой из жёлтой кости. Кость предателя, как она её называла. Подходящий инструмент.

В этот момент болото вздохнуло.

Пузырь гнилого газа лопнул у неё прямо под ногой. Из глубины, медленно, неотвратно, начало подниматься нечто. Бледное, расплывчатое, состоящее из тины, ила и... воспоминаний. Оно не имело чёткой формы, только подобие рук и пустые впадины там, где должны были быть глаза. Но Лира знала — это страж. Дух того самого утопленника, чья «невинность» и породила этот лист. И теперь, когда его покой тревожили, он просыпался голодным.

— Хочешь поиграть, гнида? — Лира выпрямилась, серп в её металлической перчатке блеснул тускло.

Призрак протянул к ней руку-лапу. От него пахло тиной, страхом и детской беспомощностью. Этот запах ударил в нос, на мгновение вызвав в памяти что-то тёплое, давно забытое — запах детских волос, смех сестры... Лира яростно тряхнула головой, отгоняя призрак прошлого.

— Нет. Не сегодня. Не со мной.

Она щёлкнула пальцами свободной, кожаной руки. На её ладони вспыхнуло пламя. Не большое, а маленькое, ярко-синее, жаркое до белизны в центре. Её огонь. Он не сжигал воздух, он пожирал саму сырость, само гниение.

Призрак замер, его бесформенная голова склонилась набок, будто в недоумении. Он привык пугать. Привык, что от него бегут, замирают от ужаса, тонут в панике. А эта... эта горела.

Лира сделала шаг вперёд, через чёрную воду.

— Ты уже мёртв, — сказала она тихо, но так, что каждое слово падало, как камень. — А мне ещё есть что терять. Отползи обратно в свою яму.

Она поднесла пламя к листу. Багровые жилки забились чаще, лист затрепетал. Страж издал звук — не крик, а похожий на бульканье воды в лёгких. Он рванулся вперёд.

И тут из тени ольхи, будто кусок ночи, сорвавшийся с крюка, метнулся Мрак.

Он не рычал. Он был абсолютно беззвучен. Его чёрные когти вонзились в бесформенную плоть стража, не оставляя ран, но будто разрывая саму его суть. Янтарные глаза фамильяра сверкнули, и в них, как в двух тёмных зеркалах, призрак увидел... не своё отражение. Он увидел себя — не ужасным порождением топи, а тем, кем был: испуганным, продрогшим ребёнком, который зовёт маму.

Страж замер. И рассыпался. Не в брызги, а в тихий, печальный вздох, который растворился в болотном мареве.

Лира, не отрывая холодного взгляда от того места, где он был, серпом срезала лист у самого основания. Он мягко упал ей на ладонь. Был холодным и влажным, и его пульсация отдавалась лёгкой болью в её костях.

Она сунула лист в мешочек из плотной ткани, притороченный к поясу рядом с металлическими черепами. Потушила пламя. Тишина вернулась, ещё более гнетущая.

Мрак вернулся к её ногам, облизывая коготь. На его шерсти не было ни капли грязи.

— Один вниз, — пробормотала Лира, глядя на бескрайнюю, враждебную топь. — Ещё двадцать три, ёб твою мать.

Она развернулась и пошла прочь, оставляя за собой лишь медленно сходящие круги на чёрной воде. Болото молчало, но теперь в его молчании была не просто тяжесть, а злопамятность. Первая ниточка была оборвана. Первая печать — сорвана.

Охота только начиналась.

И где-то далеко, в мире, где сны граничат с явдой, существо с крыльями цвета ночи и алыми прожилками почувствовало лёгкую дрожь в сети мироздания. Кто-то только что сорвал плод с Древа Забвения. Интересно. Очень интересно.

Глава 2. Травы лесные

Лес за Гнилым Урочищем не имел имени. Местные, те немногие, кто оставался в этих проклятых местах, называли его Просто Лес. С заглавной буквы и с придыханием, будто одно его имя могло призвать внимание чего-то большого и древнего. Деревья здесь стояли тесно, как кости в братской могиле. Их ветви сплетались в плотный, почти непроницаемый для дневного света полог, превращая день в зелёные сумерки. Воздух был густым от запаха влажной гнили, грибов и чего-то ещё — медленного, растительного дыхания.

Лира шла по едва заметной тропе, протоптанной не людьми, а кабанами да голодными духами. Её сапоги бесшумно утопали в ковре из прошлогодней хвои и папоротников. Мрак исчез впереди, его присутствие выдавало лишь изредка мелькавшее в чащобе пятно чернее обычной тени.

Ей нужны были не просто «лесные травы». В рецепте не было уточнений, и в этом крылась вся подлянка. Знание, переданное ей ценою части рассудка, подсказывало: это должен быть букет отчаяния. Пять трав, каждая — собранная в момент чьей-то агонии на этой земле. Плакун-трава, сорванная там, где ревел от бессилия мужчина над телом жены. Зверобой, выросший на месте, где волк загрыз оленя, но и сам подыхал от ран. И так далее. Лес был старым кладбищем, и на нём цвели своеобразные памятники.

Первые две она нашла относительно быстро — её чутьё, отточенное годами, вело её к местам, от которых веяло холодком даже ей. Она срезала стебли костяным ножом, шепча заклятья консервации, и убирала в отдельные мешочки на поясе.

Третью, медвежье ушко, должно было охранять само растение. Вернее, то, что в нём поселилось.

Она вышла на небольшую поляну, куда через разрыв в листве падал столб мутного солнечного света. В центре, у подножия поваленной ветром ели, рос куст с мясистыми, тёмно-зелёными листьями, похожими на уши. Но не медвежьи. Человеческие. Каждый лист имел мочку, прожилки, напоминающие капилляры, и казался влажным на ощупь.

Лира замедлила шаг. Она знала эту магию. Это было проклятие слияния. Кто-то — шаман, ведьма или само отчаяние — слило душу умирающего с растением. Трава питалась его страхом, его последним «почему?», и теперь была ядовитой не только для тела, но и для разума.

— Выходи, — сказала она ровным голосом, обращаясь к пустоте. — Не заставляй меня жечь твою новую плоть.

Из-за ствола ближайшей сосны вышел... нет, выплыл дух. Он был едва осязаем, как дымка, но черты лица — широкие скулы, глубоко посаженные глаза — угадывались. Одет в лохмотья, которые когда-то были охотничьей одеждой. В его груди зияла чёрная, не затягивающаяся дыра.

— Моя... — его голос был шелестом листьев под ветром. — Моя боль. Моя память. Не отдам.

— Твоя боль уже сгнила, — парировала Лира, не двигаясь с места. — Ты держишься за неё, как утопающий за соломинку. Отпусти.

— Не могу! — голос духа набрал силу, зазвучал отчаянно и гневно. Воздух на поляне похолодел. Листья «медвежьего ушка» зашевелились, будто почуяв опасность. — Она убила меня! Обманула! Я должен... я должен сказать ей...

Лира вздохнула. Эмоциональные призраки были самыми утомительными. Они не атаковали напрямую — они давили, навязывали свои незаконченные дела, свою тоску.

— Тебя предала жена с лучшим другом. Они спустили твои деньги на вино и сбежали в город. Ты узнал, пошёл за ними в лес, и тут тебя нашёл медведь, которого они же и спровоцировали, бросив твою окровавленную рубашку в его берлогу. Ты умер, думая о мести. Я знаю. Я видела это в тысяче ваших жалких историй.

Дух замер, его дымчатая форма задрожала от ярости и боли.

— Как ты смеешь...

— Я смею, потому что у меня нет времени на твою исповедь! — её голос врезался в тишину леса, как топор. — Ты хочешь, чтобы твоя боль что-то значила? Чтобы она не была напрасной? Она сделала шаг вперёд, её золотисто-зелёные глаза вспыхнули в полумраке. — Тогда стань частью чего-то большего. Частью зелья, которое сдвинет небеса и разворотит ад. Или сгнивай здесь вечно, слушая, как по тебе ползают черви.

Она предложила ему не утешение, а смысл. Самый тёмный, самый извращённый, но смысл. И в этом был холодный расчёт. Духи, застрявшие из-за сильных эмоций, часто жаждали именно этого — чтобы их страдание стало кирпичиком в чём-то грандиозном.

Призрак молчал. Его форма колыбалась, как пламя на ветру. Листья травы тихо плакали, выделяя густой, горький сок.

— ... Частью чего? — наконец прошелестел он.

— Воскрешения, — солгала Лира легко и убедительно. Она не сказала, чьего. Пусть думает, что это будет актом справедливости. Ложь была таким же инструментом, как её серп.

Дух медленно кивнул, его фигура начала рассеиваться.

— Бери. Но... помни.

— Я всё забываю, — солгала она снова, уже подходя к кусту.

Когда она срезала три самых сочных листа, они на миг сжались в её руке, будто от боли, а затем замерли. Сок на лезвии костяного ножа был тёплым и пах медью. Она убрала добычу, не оглядываясь. Призрак исчез, растворившись в зелёных сумерках, его боль наконец получила направление.

Четвёртую траву, ведьмин палец (ядовитый папоротник, растущий только на костях самоубийц), пришлось выкапывать из-под корней старого вяза. Земля была плотной, холодной и... шевелящейся. Каждый комок словно сопротивлялся. Когда она выдернула корень, похо-

жий на скрюченный палец с ногтем, из ямки на мгновение донесся сдавленный стон. Лира плюнула в яму. «Отправляйся обратно. Твоё дело сделано». Стон стих.

Пятую, сердечник (маленькие розовые цветки в форме сердечек, растущие там, где умерла юная любовь), она нашла у ручья. Собирая их, она почувствовала приступ тошноты и острой, чужой тоски — воспоминания девушки, которую бросили и которая утопилась в этом самом ручье. Лира стиснула зубы, переборолла волну, и сорвала цветы. Тоска отступила, оставив во рту вкус железа.

Букет отчаяния был собран. Пояс отяжелел. Лира чувствовала, как лес смотрит на неё. Не просто наблюдает — взвешивает. Он позволил ей взять свою плоть, свои слёзы, свою боль. Но теперь между ними был договор. И лес знал, что рано или поздно потребует плату.

Она уже собиралась уходить, когда Мрак материализовался у её ног. Он не смотрел на неё. Он смотрел вглубь чащи, его уши с кисточками напряжённо подрагивали, а шерсть на загривке встала дыбом. Тихий, едва различимый рык вырвался из его горла.

Лира замерла. Она тоже почувствовала. Не опасность. Не сразу. Внимание. Чуждое, лишённое растительной медлительности леса. Острое. Заинтересованное. Оно висело в воздухе, смешиваясь с запахом хвои и гнили, но отличаясь от него. Это был запах... пряный. Сандала, ладана и чего-то металлического, сладковатого, как кровь на языке.

Она медленно повернула голову.

Между двумя соснами, в пятне крошечной тени, стояла фигура. Высокая, с чётко очерченными плечами. Детали тонули в мраке, но невозможно было не заметить две вещи: слабое мерцание бледной кожи и два огромных, сложенных за спиной контура. Крылья. Чёрные, с алыми прожилками, будто треснувший обсидиан.

Он не двигался. Он просто смотрел. И даже на расстоянии Лира почувствовала, как его взгляд скользнул по ней — не как взгляд мужчины на женщину, а как взгляд гурмана на изысканное, многослойное блюдо. Он оценивал её боль, её решимость, её свежедобытые ингредиенты страдания.

Лира не шелохнулась. Пламя не вспыхнуло у неё на ладони. Инстинкт подсказывал — это не тот враг, которого можно испугать огнём. Это что-то другое. Искуситель.

Она первая нарушила тишину, её голос прозвучал низко и ровно, без тени страха:
— Лесная публика собирается? Или просто проходил мимо?

Из тени донёсся ответ. Голос был низким, бархатным, таким тихим, что его слова казались мыслями, зародившимися у неё в голове.

— Проходил. Наслаждался ароматом. Ты умеешь выбирать парфюм, маленькая Лиса. Отчаяние, горечь, невинность, тлен... И всё это приправлено таким ярким, таким... вкусным гневом.

Мурашки пробежали по спине Леры. Он не просто видел её. Он чувствовал её. Читал, как открытую книгу.

— Это не для тебя, — бросила она, поворачиваясь, чтобы уйти, но не спуская с фигуры периферийного зрения.

Бархатный голос зазвучал снова, теперь с лёгкой, ядовитой усмешкой:

— Всё рано или поздно становится для нас. Особенно то, что пахнет так... запретно. До скорого, Колдунья. Надеюсь, твой следующий сбор будет столь же... волнующим.

И прежде чем она успела ответить, тень между соснами схлопнулась. Ни звука, ни вспышки. Его просто не стало. Но запах — сандал, ладан, металл — повис в воздухе ещё на несколько секунд, прежде чем его перебило дыхание леса.

Лира стояла неподвижно, сжав кулаки так, что костяшки побелели. Не страх сковал её. Ярость. Чистая, белая ярость от того, что её рассмотрели, что в неё впустились без спроса.

Мрак издал предостерегающее шипение, уставившись в то место.

— Знаю, — выдохнула она сквозь зубы. — Знаю, чёрт побери. Пошли. Этот лес теперь выдохся.

Она рванулась с места, уходя прочь от поляны, от ручья, от этого давящего внимания. За спиной у неё булькал ручей, шелестели листья, и казалось, что сам лес тихо смеётся, провожая её. Он получил своё развлечение. А она — нового, незваного зрителя на своём пути в ад.

Глава 3. Мох с могилы горбуна

Кладбище «Вечный Покой» было чёрной иронией в плохом вкусе. Покоя тут не было уже лет сто, если не больше. Оно ютилось на склоне холма, обдуваемого всеми ветрами, огороженное покосившимся забором из почерневших досок. Кресты и плиты кренились, как пьяные, уходя в землю по пояс в буйных зарослях крапивы и чертополоха. Воздух пахнет сырой глиной, тлением и... тишиной. Не мирной, а выжженной. Тишиной после крика.

Лира пришла сюда на рассвете, когда туман, холодный и цепкий, стелился между могилами, скрывая контуры и делая мир бесформенным. Лучшее время для воровства — и для встречи с тем, что не любит свет.

Она стояла перед оградой, безмолвная, как и всё вокруг. Мрак не было видно — он уже растворился в тенях, его задача была прошупать периметр, найти нужную могилу и... оценить угрозы. Горбун был не просто прозвищем. Легенды, которые она выудила из памяти полусумасшедшего могильщика в соседней деревушке, говорили: сторожем этого места был тот, кого здесь же и похоронили. Человек с горбом, да не простым — говорят, в нём жила его злоба, копившаяся годами. И после смерти она не нашла покоя, а вросла в землю, в камень, в самый воздух кладбища. Мох на его плите был не обычным мхом. Он был печатью и симптомом. Симптомом гниения, которое не прекращалось.

— Северо-восточный угол, — голос Мрака прозвучал у неё в голове, сухой и безэмоциональный, как скрип пергамента. — Плита из сланца. На ней ничего не растёт, кроме него.

Мысленная связь. Ещё одна «непристойность», за которую её изгнали. Но какая разница теперь.

Лира кивнула и, не раздумывая, перелезла через сгнивший забор. Доски хрустнули под её сапогом, но звук был приглушённым, поглощённым туманом. Она двинулась вглубь, её чёрная юбка цеплялась за колючки репейника.

Найти плиту было легко. Вокруг неё была мёртвая зона. Ни травы, ни сорняков, только голый, потрескавшийся грунт и сама плита — тёмная, шершавая, покрытая густым, неестественно ярким мхом цвета запёкшейся крови и плесени. Мох пульсировал. Слабо, почти незаметно, как кожа на шее у спящего. Лира почувствовала лёгкую вибрацию под ногами. Земля дышала здесь. Медленно, тяжело, больно.

Она опустилась на колени перед плитой, не касаясь её. Надпись стёрлась, но она знала, что там было: «Здесь лежит Касьян. Нёс свой крест». Ирония, от которой хотелось плевать.

Из складок одежды она достала не серп, а маленькую лопаточку из серебра и кизилового дерева — инструмент для работы с проклятой землёй, отводящий часть негатива. Но прежде чем ткнуть лопаткой в мох, она замерла. Правила игры здесь были другими. Это была не просто кража. Это было снятие печати. И сторож, наверняка, явится.

— Касьян, — произнесла она тихо, но чётко. — Я не пришла осквернять. Я пришла взять то, что уже просится наружу.

Ничего не произошло. Туман клубился. Тогда Лира, не отводя взгляда от мха, медленно протянула левую руку в металлической перчатке и коснулась земли рядом с плитой.

И земля ответила.

Не криком. Вязким, густым бульканьем, будто из глубин вулканической грязи. Грунт вокруг плиты вздыбился, пополз, и из него начало медленно вытягиваться нечто. Не призрак. Нечто более плотное, более омерзительное. Сначала показалась спина — кривая, перекошенная, покрытая той же землёй, что слиплась в подобие кожи. Потом голова, без шеи, вросшая прямо в плечи. Лица не было — только тёмные впадины на месте глаз и рта, из которого сочилась чёрная жижа. Это был голем из праха, глины и вековой обиды. Горб на его спине был огромным, бесформенным наростом, и в нём, как в гнезде, копошились черви и слепые жуки.

Существо поднялось во весь свой двухметровый рост и безглазым «лицом» повернулось к Лире. Воздух затрепетал от исходящего от него холода и запаха открытой могилы.

— У...й...ди... — проскрежетало оно, и звук был похож на трущиеся друг о друга камни. — Моё... место... Моя... боль...

Лира не встала. Она приподнялась на корточках, готовясь к прыжку в сторону.

— Твоя боль сгноила тебя и отравила землю, — парировала она, её голос звенел, как натянутая струна. — Я заберу этот яд. И ты наконец уснёшь.

— НЕ УСНУ! — голем внезапно рванулся вперёд с неожиданной для его массы скоростью. Его огромная, слепленная из земли рука с глиняными когтями взметнулась, чтобы снести ей голову.

Лира отпрыгнула в сторону, перекатилась по мокрой земле и вскочила уже с горящим голубым пламенем в правой руке. Но огонь здесь был слабым аргументом — он высушивал глину, но не мог сжечь проклятие.

Голем развернулся, его горб зашевелился, и из него, как из катапульты, вылетел ком спрессованной земли и червей. Лира едва успела пригнуться, липкая масса просвистела над её головой, шлёпнувшись о надгробие позади.

— Мрак! — крикнула она мысленно. — Отвлекай!

Из тумана, прямо из тени самого голема, вынырнула чёрная молния. Мрак вцепился в его «шею» — вернее, в то место, где она должна была быть. Его когти не просто царапали — они разрывали связующую магию, заставляя землю осыпаться. Голем заревел и попытался стряхнуть с себя фамильяра, но тот был неуловим, как сама тень.

Пользуясь моментом, Лира метнулась к плите. Она вонзила серебряную лопатку под слой мха и с силой дёрнула. Мох оторвался с тихим, стонущим звуком. Он был тёплым и влажным в её руке, будто кусок живой плоти.

В тот же миг голем взвыл — на этот раз не от ярости, а от настоящей, пронзительной боли. Его форма затрепетала, пошли трещины. Горб на его спине начал оседать, из него повалил густой, серый дым.

— Он... был... частью... меня... — простонал голем, уже теряя форму. Его глиняное тело начало медленно оседать обратно в землю.

— А теперь он часть моего котла, — холодно бросила Лира, быстро засовывая клок пульсирующего мха в специальный свинцовый футляр, чтобы тот не отравил остальные ингредиенты.

Она наблюдала, как последние комья земли падают в образующуюся яму. Туман вокруг начал редеть. Проклятие слабело. Но вместе с ним уходила и та энергия, что держала это место в своём мрачном равновесии.

Лира уже развернулась, чтобы уходить, когда почувствовала это. Другое присутствие. Не грубое, как у голема. Утончённое. Насмешливое. Оно витало в воздухе, смешиваясь с рассеивающимся туманом.

Она обернулась.

На ограде кладбища, на самом высоком уцелевшем столбе, сидел Он. Бездушник. Его крылья были сложены за спиной, одна нога свешена вниз, другая поджата. Он смотрел на неё, подперев голову рукой, с выражением живого, почти театрального интереса. В слабом утреннем свете его бледная кожа казалась фарфоровой, а алые прожилки на крыльях — ещё более яркими.

— Bravo, — произнёс он, и его бархатный голос прозвучал так, будто он стоял в двух шагах, а не в двадцати. — Настоящее шоу. Грубая сила, прагматичная жестокость... и такой трогательный мотив. Освободить бедного страдальца. Он сделал паузу, и на его губах появилась улыбка, от которой по спине побежали ледяные мурашки. Хотя мы-то с тобой знаем, что это ложь, да, Лира? Ты не освобождала. Ты грабила могилу.

Лира стиснула зубы. Свинцовый футляр в её руке вдруг показался непереносимо тяжёлым.

— А тебе-то какое дело, прыщ? — выпалила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Иди отсюда, пока не облупилась твоя драконья кожа.

Он рассмеялся. Звук был мягким, приятным и от этого — ещё более жутким.

— О, мне очень даже есть дело. Меня интересуют... коллекционеры. Особенно те, что собирают такие специфические сувениры. Он медленно провёл языком по верхней губе. Касьян тридцать лет копил свою обиду. Она была выдержанной, как хорошее вино. А ты... выпила её залпом. Как ощущения? Горько? Сладковато?

Лира почувствовала, как по её жилам пробежала волна чужой, старой ненависти — тупой, безысходной, как та глина. Она вжала ногти в ладони, отгоняя чувство.

— Отстань.

— Я бы и отстал, — демон беззаботно махнул рукой. — Но ты сама не даёшь. Ты ищешь такие... сильные эмоции. Они, знаешь ли, создают вибрацию. А я, как мотылёк на пламя. Он спрыгнул со столба, но не упал, а плавно опустился на землю, не коснувшись её. Его крылья расправились на мгновение, отбрасывая огромную тень. Следующая остановка, я слышал,

будет ещё сочнее. «Труп кошачий, сохший под солнцем». Интригующее сочетание верности, смерти и... медленного тления. Он сделал шаг вперёд, и расстояние между ними словно сократилось само собой. Может, позволишь составить компанию? Мне есть что предложить взамен...

Мрак, до этого молча наблюдавший из тени надгробия, вдруг выскочил между ними. Он не шипел. Он просто встал, выгнув спину, и его янтарные глаза, сузившиеся в щели, упёрлись прямо в лицо демона. Его тишина была опаснее любого рыка.

Бездушник остановился, его улыбка стала немного напряжённой.

— А, твой... питомец. Как трогательно. Он защищает тебя. От меня. Он посмотрел на Мрака с искренним любопытством. Интересно, что он видит, когда смотрит на меня? Своё отражение?

Это было попадание в цель. Лира почувствовала, как Мрак внутренне содрогнулся, его связь с ней на миг заполнилась белым шумом ярости и... страха?

— Хватит, — прошипела Лира, и на её ладони вспыхнуло не синее, а чёрное пламя. Теневое пламя, пожирающее свет. Оно не обожгло бы демона, но могло причинить ему дискомфорт. — Следующее слово — и я проверю, насколько хорошо ты регенерируешь от духовного ожога.

Бездушник поднял руки в изящном жесте капитуляции, но его глаза смеялись.

— Как скажешь. Я не настаиваю. Наш роман только начинается, в нём должно быть место и для недосказанности. Он отступил на шаг, и его фигура начала терять чёткость, растворяясь в светлеющем воздухе, как кошмар при пробуждении. До встречи у кошачьего трупа, Чёрная Лиса. Постарайся не разочаровать.

И он исчез. Остался лишь его голос, висящий в воздухе:

...Мне уже не терпится почувствовать вкус твоего отвращения.

Лира стояла, тяжело дыша, чёрное пламя трепетало у неё на ладони. Мрак подошёл и тёрся головой о её ногу, в его мурлыканье слышалось успокоение и тревога.

— Ёбаный потаскун, — выдохнула она, гася пламя. Кладбище вокруг окончательно затихло, будто и не было ни голема, ни демона. Но свинцовый футляр на поясе тянул вниз, напоминая о цене этого «успеха».

Она потрепала Мрака за ухом.

— Пошли. Чем дальше от этого места, тем лучше.

Она ушла с кладбища, оставив позади яму у плиты Касьяна и чувство, что за ней теперь следят не только мёртвые, но и нечто, для которого мёртвые — всего лишь закуска.

Глава 4. Ковыль, в полях не замёрзший после метели

Дорога привела её на Равнину Забвения. Так её называли не на картах — карт этих мест не существовало, — а в редких, пьяных рассказах старцев у огня. Говорили, что здесь остановилось время. Вернее, здесь остановилась зима. Не календарная, а та, что приходит после конца.

Лира стояла на краю этого места. Позади — жёлто-бурая осенняя степь, скелеты подмороженных трав и резкий ветер. Впереди — белизна. Ослепительная, абсолютная, не снежная, а какая-то стерильная. Как будто мир здесь был начисто выскоблен до чистого холста. Не было горизонта. Белый цвет земли сливался с белым цветом неба в сплошную, слепящую пелену. Тишина. Не та, что в лесу — живая, наполненная шепотами. А полная, всепоглощающая, давящая на барабанные перепонки. Тишина вакуума.

Ей нужно было найти ковыль. Не просто стебель. Тот самый, что «не замёрзший после метели». В таком месте это означало одно — найти последнюю точку сопротивления. Последнюю память этого поля о жизни, о тепле, о чём-то, что не подчинилось вечному морозу.

Мрак, ступив на белую землю, замер. Его обычно бесшумные лапы оставили чёткие отпечатки, которые не таяли и не заносились. Земля была твёрдой, как камень, и холодной так, что холод пробивался сквозь подошвы её сапог, через кожу, прямо в костный мозг. Он не жег, он вытягивал тепло, высасывал жизнь тихо и методично.

— Здесь ничего нет, — мысль Мрака прозвучала в её голове, непривычно приглушённой. — Здесь никогда ничего не было.

— Значит, ищем то, чего не может быть, — ответила она мысленно и шагнула вперёд.

Они шли. Минуты сливались в часы. Белизна вокруг не менялась. Не было ни деревца, ни камня, ни изменения рельефа. Только плоская, бесконечная равнина под бесконечным белым небом. Лира начала сомневаться в своих чувствах. А вдруг она уже давно идёт по кругу? А вдруг это иллюзия, ловушка, и она уже мёртва, а её дух бродит в этом чистилище?

Чтобы не сойти с ума, она стала считать шаги. Сто. Двести. Пятьсот. Тысяча.

На тысяче пятьдесят седьмом шаге она увидела тень.

В этом мире без теней серое пятно на белом грунте резало глаз, как клякса крови на простыне. Она подошла ближе. Это был не предмет. Это было... углубление. Место, где белизна была чуть темнее, образуя едва уловимый контур. Контур человеческой фигуры, лежащей навзничь, раскинув руки. Как силуэт на асфальте после ядерного взрыва. Тень от того, что испарилось.

Лира почувствовала ледяной укол в груди. Не страх. Узнавание. Это было место гибели. Здесь кто-то — или много кто — перестал существовать с такой силой, что это впечаталось в саму реальность.

Она обошла тень и пошла дальше. Тени стали появляться чаще. Все одинаковые — лежащие, раскинутые. Иногда — скрюченные. Иногда — обнимающие другие тени. Поле битвы? Массовое самоубийство? Ритуал, который пошёл не так? История этого места была стёрта вместе с цветом и звуком, оставив только эти призрачные отпечатки.

И вот, после ещё часа ходьбы (или десяти минут — время здесь текло как густой мёд), она увидела его.

В центре небольшого, чистого от теней круга, рос один-единственный стебель. Тонкий, серебристый, почти прозрачный. Ковыль. Его метёлка, пушистая и невесомая, тихо колыхалась в несуществующем ветерке. Вокруг него, в радиусе шага, белизна сходилась на нет, уступая место потрескавшейся, мёрзлой земле нормального, грязно-бурого цвета. И от этого круга исходило... тепло. Не физическое — от него не таял иней под ногами. Душевное. Слабое, едва уловимое ощущение тоски, надежды и невероятной, леденящей одиночества.

Этот стебель был последней мыслью этого места. Последним «нет» в лицо всепоглощающему ничто.

Лира опустилась на колени перед ним, не касаясь земли внутри круга. Её дыхание вырывалось клубами пара — первый нормальный признак жизни за всё время здесь. Она смотрела на ковыль, и ей вдруг стало до слёз жаль его. Он держался. За что? Ради чего?

— Прости, — прошептала она, и её голос, громкий после долгой тишины, прозвучал кощунственно. — Мне он нужен больше.

Она протянула руку, чтобы аккуратно срезать стебель у самого корня своим костяным ножом. Но в тот момент, когда её пальцы оказались в сантиметре от него, равнина заговорила.

Не голосом. Давлением. Белая пустота вокруг сгустилась, стала вязкой, как холодный кисель. Тишина превратилась в оглушительный звон в ушах. Лире показалось, что на неё навалилась вся бесконечность этого места, желая раздавить, стереть, как она стёрла всё остальное.

Она не могла пошевелиться. Дыхание перехватило. Глаза застилала белая пелена. Это был не дух, не монстр. Это было само Место. Оно не хотело отпустить свою последнюю память. Свою душу.

Из последних сил она повернула голову, ища Мрака. Его не было видно в этой всепоглощающей белизне. Паника, острая и животная, сжала её горло. Она тонула. Не в воде. В небытии.

И тогда, сквозь вой в ушах, она услышала смех. Знакомый, бархатный, полный ядовитого веселья.

— Кажется, ты заплыла слишком далеко от берега, маленькая Лиса, — раздался голос Бездушника, но его не было видно. Он звучал отовсюду и ниоткуда. Это место пожирает надежду. А у тебя её, хоть и кривая, да есть. Оно сейчас высосет из тебя всё, до последней искорки.

Лира не могла ответить. Её губы онемели.

— Предлагаю сделку, — продолжал демон, и его голос приобрёл деловые, сладкие нотки. Я отвлеку его. На секунду. Ты схватишь свою былинку и бежишь, как ошпаренная. А мне... ты позволишь один раз, всего один, прикоснуться к тебе. Не к телу. К твоей боли. К тому, что ты прячешь за всем этим огнём и злостью. Это так вкусно пахнет отсюда...

Он хотел не секса. Он хотел доступа. К её самому сокровенному, к ядру её страдания — к памяти о сестре, к предательству наставницы. Он хотел попробовать её душу на вкус.

Мысль об этом была отвратительнее самой смерти. Но смерть здесь была не смертью, а стиранием. И её котёл, её месть, её сестра — всё было бы стёрто, как эти тени на земле.

Ненависть, жгучая и чистая, вскипела в ней. Ненависть к этому месту. К этому демону. К самой ситуации. Эта ненависть на миг пробила ледяной паралич.

— ...Гони... — выдавила она сквозь стиснутые зубы.

— Сделка? — переспросил Бездушник, и в его голосе зазвучало торжество.

— ДА, БЛЯДЬ! — мысленный крик вырвался из неё, отчаянный и яростный.

В следующее мгновение белизна вздрогнула. На её совершенной поверхности, прямо перед Лирой, появилось пятно. Не тень. Пятно цвета. Тёмно-багровое, пульсирующее, источающее волны такой плотной, такой грязной похоти и страсти, что даже небытие этого места на мгновение отпрянуло, ошеломлённое. Это была эмоция Бездушника, выпущенная наружу, как химическая атака. Чуждая, живая, яркая — всё, что это место ненавидело.

Давление ослабло. Лира, движимая чистейшим инстинктом выживания, рванулась вперёд, схватила стебель ковыля и, не срезая, выдернула его с корнем с сухим, шелкающим звуком.

И тут же мир вокруг завизжал. Белизна заклубилась, пошла трещинами, как гниющей плёнкой. Давление вернулось, удесятерённое, яростное. Место поняло, что его обманули.

Лира, сжимая в руке тёплый, живой стебель, отползла из круга. «Беги!» — проревел в её голове голос, в котором смешались её собственный инстинкт и, ей показалось, бархатный бас демона.

Она вскочила и побежала, не разбирая дороги, по своим же следам, назад, к краю равнины. За ней гналась белая стена. Не снежная буря. Сама белизна, сгущаясь, пыталась накрыть её. Тени на земле кривились и тянулись к её ногам.

Она бежала, задыхаясь, лёгкие разрывало от ледяного воздуха. Сапоги скользили по твёрдой земле. И тут рядом с ней, будто вынырнув из самой тени её паники, появился Мрак. Он бежал вровень, его глаза горели янтарным огнём, а из горла вырывалось беззвучное рычание. Его присутствие было якорем в этом безумии.

Она увидела впереди границу — ту самую, где кончалась белизна и начиналась бурая степь. Ещё двадцать метров. Десять.

Белая стена уже нависала у неё за спиной, её холодное дыхание обжигало кожу.

Пять метров.

Лира совершила последний отчаянный прыжок и вывалилась за пределы Равнины Забвения. Упала на жёсткую, колючую осеннюю траву, давась кашлем.

Она обернулась. Белая стена остановилась ровно по линии, будто ударилась о невидимое стекло. Она колыхалась, бурлила, и в ней на мгновение проступило что-то, напоминающее лицо — искажённое бесконечной, бессмысленной обидой. Потом она медленно отхлынула, растворяясь в привычной белизне. Равнина снова замерла в своём стерильном, вечном молчании.

Лира лежала на земле, судорожно дыша. В кулаке она сжимала стебель ковыля. Он был тёплым. Он живым.

И тут она почувствовала это. Не боль. Пустоту. В том месте в её душе, где была самая старая, самая охраняемая рана — память о последнем дне с сестрой, — теперь зияла дыра. Не забвение. Скорее, ощущение, что эту рану... облизали. Тщательно, смакуя каждый клочок боли, каждую каплю отчаяния. Осталась лишь выхолощенная, онемевшая пустота и стыд. Дикий, всепоглощающий стыд от того, что самое сокровенное просмотрели посторонние, похотливые глаза.

— Сука... — прошептала она, сжимаясь в комок от отвращения. — Ёбаная... сука...

Мрак прижался к ней, пытаясь согреть, но его тело тоже было холодным от ужаса перед тем местом.

А в воздухе, будто эхо, прозвучал довольный, насыщенный вздох:

...Восхитительно.

И затем тишина. Настоящая, степная тишина, полная звуков ветра и шорохов. Бездушник получил свою плату. И ушёл. На время.

Лира медленно поднялась. Её руки дрожали. Она сунула ковыль в футляр, не глядя на него. Четвёртый ингредиент был собран.

Цена оказалась выше, чем она думала. Она заплатила не страхом, не болью. Она заплатила куском своей памяти. И открыла демону дверь в самое святое, что у неё оставалось.

Теперь они были связаны не просто интересом. Они были связаны сделкой.

Глава 5. Труп кошачий, сохший под солнцем

Жара стояла мёртвая, липкая, выжатая из земли самим дьяволом. Пустошь, куда привела её нитка из прошлого — слух о старухе-травнице, что жила тут когда-то и у которой «кошки дошли как мухи, да не гнили, а сохли, будто мумии» — была похожа на раскалённую сковороду. Воздух дрожал над потрескавшейся, серо-жёлтой землёй. Ни травинки, ни кустика. Только редкие, почерневшие скелеты сухого бурьяна да валуны, отполированные ветром и пеклом до зеркального блеска. Солнце висело в белесом, выцветшем небе, не светило, а жалило, выжигая последние мысли о прохладе.

Здесь не пахло смертью. Смерть здесь уже отзвучала, перебродила, испарилась. Пахло пылью, пеплом и чем-то ещё — горелой шерстью и старой болью.

Лира шла, закутанная в тёмный плащ с капюшоном, но он не спасал. Жар пробивался сквозь ткань, обжигал кожу. Мрак шёл сзади, прижимаясь к тени от её фигуры — тени короткой, чёрной и злой, как пятно дегтя. Он был непривычно тих, его уши прижаты, а нос всё время вздрагивал, улавливая то, что не могла она.

Она шла не просто за трупом. Она шла за символом. Труп кошки, сохший под солнцем, — это не просто биоматериал. Это концентрированное непогрешение. Верность, оставленная гнить на виду у всех. Боль, которую не скрыли в земле, а выставили на растерзание стихиям. Ей нужен был именно такой — пропитанный обидой не на хозяина, а на саму несправедливость бытия.

Излучина сухого русла привела её к развалинам. Не дома — лачуги. Стены из глины и камня давно осыпались, крыша провалилась. Но внутри, в тени одного из ещё стоящих углов, Лира увидела то, что искала.

Он висел. Вернее, его подвесили. На ржавом железном пруте, вбитом в стену, на тонкой, почерневшей от времени верёвке. Кошка. Вернее, то, что от неё осталось. Шкура, натянутая на каркас из костей, коричневая и ломкая, как пергамент. Она была неестественно вытянута, будто её пытали перед смертью, выворачивая суставы. Голова была запрокинута, обтянутый кожей череп с пустыми глазницами смотрел в белесое небо. Пасть была оскалена в беззвучном, вечном крике.

Но самое главное — оно не разлагалось. Оно было идеально сохранено зноем, ветром и, что было очевидно Лире, заклятьем. Насильственным прерыванием цикла. Это не было случайностью. Это была показательная казнь.

Лира замерла в шаге от развалин. Воздух здесь вибрировал не только от жары. От него веяло холодным, законсервированным страданием. Она посмотрела на Мрака. Тот стоял, вжавшись в землю, шерсть дыбом, глаза — две узкие щели. Он видел не просто труп. Он видел предупреждение. Возможную судьбу.

— Тихо, — мысленно послала она ему, подходя ближе. — Он уже ничего не чувствует. Только место помнит.

Но место помнило слишком хорошо. Когда она переступила порог развалин, её обдало волной воспоминаний. Не её. Чужих. Обрывочных, искажённых, как сны в лихорадке. Вспышка боли — ожог раскалённым железом. Панический, дикий ужас. И... предательская ласка, которая в последний миг обернулась хваткой за горло.

Эта кошка была не просто животным. Она была фамильяром. Слабым, только начинающим, но фамильяром. И его убили не из жестокости. Его принесли в жертву. Разорвали связь с хозяйкой, чтобы та... что? Получила силу? Очистилась? Сошла с ума?

Лира подошла к висящей мумии. Её пальцы в металлической перчатке сжались. Гнев, знакомый и жгучий, закипел в груди. Она ненавидела это. Ненавидела само понятие такого предательства. Это было слишком близко к её собственной истории — к изгнанию за связь с Мраком.

Она протянула руку, чтобы перерезать верёвку. В этот момент тишину разорвал звук. Не голос. Скрип. Сухой, как трение кости о кость.

Мумия повернула голову. Пустые глазницы уставились прямо на неё. Челюсть сдвинулась, и из горла вырвался не звук, а струйка чёрного песка, который с шипением рассыпался в пыль.

— ...у...бе...ри...сь... — проскрежетал шепот, исходивший не из пасти, а из самого воздуха, из нагретых камней, из раскалённой земли. — ...её...боль...моя...

Это был не дух кошки. Это было эхо её смерти. Заклинание, вплетённое в сам акт убийства, привязавшее агонию к этому месту навеки. Оно охраняло труп как последнее владение, как единственное, что у него осталось.

Лира не отпрянула. Её губы исказила гримаса ярости.

— Твоя боль — это говно, которое кто-то забыл убрать, — выдохнула она. — Я пришла её забрать. Ты свободен.

— НЕТ! — эхо взревело, и развалины содрогнулись. Стену позади трупа покрыла сеть трещин. Из земли перед ней вырвались когтистые, ссохшиеся руки из спрессованной пыли и песка — элементали страдания. Их было трое. Они тянулись к ней, желая втянуть в ту же пыль, сделать частью этого вечного памятника боли.

Лира щёлкнула пальцами свободной руки. Вспыхнуло пламя. Но не синее, и не чёрное. Белое. Ослепительно белое, холодное, как свет далёкой звезды. Пламя души — редко используемое, выжигающее не плоть, а призрачные связи, остаточные заклатья. Оно отнимало у неё силы с каждой секундой, но было единственным, что могло разорвать эту петлю.

Белый огонь ударил в ближайшего пылевого элементаля. Тот завизжал — высоко, пронзительно, — и рассыпался, превратившись в безвредный песок. Второго она взяла потоком огня сбоку. Третий уже почти схватил её за ногу, когда из тени самой мумии метнулся Мрак.

Он не атаковал элементаля. Он вскочил на труп кошки и впился зубами в ту самую верёвку. Не в плоть — в нить заклатья, что была вплетена в неё. Его тёмная сущность, его собственная природа фамильяра-изгоя, была идеальным ключом к этому замку.

Верёвка вспыхнула синим, болотным огнём и лопнула.

Мумия рухнула на землю, рассыпаясь в кучку костей и пыли. Эхо смерти взвыло — долгим, затухающим звуком, полным не ярости, а... облегчения. Пылевые руки замерли и осыпались. Тишина вернулась, теперь уже настоящая, без призрачной вибрации.

Лира, тяжело дыша, потушила белое пламя. Голова кружилась от истощения. Она подошла к груде останков, опустилась на колени и осторожно, почти с почтением, собрала несколько самых крупных костей и клочков высохшей кожи в мешочек из чёрного шёлка. Работа была сделана.

И тогда она почувствовала его. Не давление, не холод. Наслаждение. Густое, сладкое, разлитое в воздухе, как дым от дорогих благовоний.

Она подняла голову.

На одной из уцелевших стен, на самом её гребешке, сидел Бездушник. Он был обнажён по пояс, его бледная кожа казалась единственным холодным пятном в этом аду. Крылья были расправлены, чёрные с алыми прожилками, они поглощали свет, создавая вокруг него ореол неестественной тени. Он смотрел на неё, и в его глазах светилось такое неприкрытое любопытство и голод, что её передёрнуло.

— Великолепно, — произнёс он, и его бархатный голос был полон искреннего восхищения. — Просто великолепно. Ты не просто взяла то, что нужно. Ты... провела экзорцизм. Подарила покой тому, кто даже не помнил, что такое покой. Он медленно сошёл со стены, не падая, а словно ступая по невидимым ступеням. И всё это — с таким сочувствием. Таким... материнским теплом. После нашей последней встречи я боялся, что испортил тебя, выскоблив ту боль. Но нет. Ты просто нашла новую, да?

Он остановился в двух шагах. От него пахло сандалом, ладаном и теперь ещё — горьким миндалем, запахом цианида. Запахом смерти, которой наслаждаются.

— Отвали, — хрипло сказала Лира, пытаясь встать. Ноги её подкашивались.

— О, нет-нет, — он сделал лёгкий, изящный жест, и она почувствовала, как её мышцы наливаются свинцом. Не паралич, но тяжёлая, приятная усталость, зовущая сдаться, отдаться. Мы же договорились. Я получил лишь крошечный аперитив на Равнине. А сейчас... сейчас я помог.

— Ты ни хера не помог, — выдавила она, но голос звучал слабее, чем хотелось.

— Не помог? — он приподнял бровь. А кто отвлек тот старый, засохший ужас, пока твой тёмный друг перегрызал верёвку? Он был настолько поглощён тобой и белым огнём, что даже не почувствовал моего... вмешательства в его периферийное сознание. Иначе он схватил бы тебя за лодыжку и никогда не отпустил. Бездушник наклонился к ней, его лицо оказалось в сантиметрах от её. Глаза его были тёмными, бездонными, и в них отражалось её собственное, искажённое усталостью отражение. Я спас тебя от весьма неприятного плена, милая. И теперь пришло время для основного блюда. Не за всю сделку. Всего лишь... за сегодня.

Его палец, холодный, как мрамор, протянулся, чтобы коснуться её виска. Того места, где пульсировала головная боль от использования белого пламени.

И тут Мрак бросился между ними. Он не рычал. Он завыл. Звук был низким, леденящим душу, исходящим из самой преисподней. Он встал на дыбы, его чёрная шерсть взъерошилась, делая его вдвое больше, а из раскрытой пасти повалил чёрный, едкий дым. Его глаза пылали чистым, неразбавленным демоническим гневом. Не защита. Собственность. Предупреждение.

Бездушник остановился. Его насмешливое выражение на миг сменилось настороженным интересом. Он отступил на шаг.

— Интересно. Очень интересно. Он не просто связан с тобой. Он... ревнует. Как живой. Как мы с тобой, — он бросил взгляд на рассыпавшиеся кошкины кости. Какая трогательная идиллия. Две изгой-недотыкомки, согревающие друг друга в этом холодном мире. Его тон снова стал сладким, ядовитым. Но, дорогая, у всего есть цена. Даже у такой милой дружбы. Ты заплатишь мне. Сегодня, завтра, через год. Я терпелив. И мне очень, очень интересно, до какой черты ты сможешь дойти, прежде чем сломаешься и отдашь мне всё, что у тебя есть, просто чтобы это прекратить.

Он отступил ещё, его форма начала терять чёткость, растворяясь в мареве жары.

— До следующего раза, Лира. Охота становится всё увлекательнее. И помни... — его голос стал шёпотом, вползающим прямо в мозг, — ...я теперь знаю, как пахнет твоя жалость. И мне это нравится.

Он исчез. Давящее присутствие ушло, оставив после себя лишь звон в ушах и тошнотворную слабость в коленях.

Лира рухнула на землю, прислонившись к горячей стене. Мрак тут же прижался к ней, его завывание сменилось тревожным мурлыканьем. Она обняла его, зарывшись лицом в его чёрную, пыльную шерсть. Он пах пылью, потом и... собой. Её единственной непоколебимой реальностью в этом кошмаре.

— Прости, — прошептала она ему в ухо. — Прости, что втянула тебя в это.

Мрак лишь сильнее прижался, ответив тихим, грудным ворчанием: Мы вместе.

Она сидела так, пока солнце не начало клониться к горизонту, окрашивая пустошь в кровавые тона. Пятый ингредиент лежал у неё на поясе, в шёлковом мешочке.

Она заплатила за него не только силой. Она заплатила тем, что демон увидел в ней слабость — способность к состраданию. И это сделало её в его глазах ещё более желанной добычей. А по краю развалин, на закатном песке, она позже заметила чужой, чёткий след сапога — не её, не демона. Кто-то ещё наблюдал. И шёл по следу.

Глава 6. Чарка красного вина

Обычное вино для зелья не годилось. Оно должно было быть красным не от винограда, а от памяти. Вином, в которое впиталась радость, а потом её вырвали с корнем. Или, как гласили потрепаннные страницы гримуара, который Лира проклинала каждую ночь, — «вином из чаши, что подносили мёртвому жениху».

Информацию она выбила из старого пропойцы в кабачке у самой границы цивилизации. Тот, икая и пуская слюни, рассказал о поместье Ренар. Когда-то богатом, теперь — медленно умирающем. Где старый барон, обезумев от горя после смерти единственного сына накануне свадьбы, приказал наполнить погреб лучшим вином и... замуровать его вместе с гробом. «Чтобы дитя моё не thirstовало в пути», — якобы сказал он. С тех пор прошло лет двадцать. Барон сошёл с ума окончательно, поместье загнивало, а в замурованном погребе, по слухам, вино бродило дальше, впитывая тлен и безумие сквозь камень.

Идеально.

Лира подошла к поместью Ренар с наступлением сумерек. Оно и правда походило на разлагающийся труп — фасад особняка почернел от сырости, окна были зияющими, слепыми дырами. Сад, когда-то регулярный, превратился в джунгли из бузины и крапивы. Воздух пах прелой листвой, плесенью и... перебродившими ягодами. Сладковато-кислый, пьянящий запах, стелющийся из-под земли.

Погреб, по слухам, находился под восточным крылом. Лира, с Мраком в тенях, обошла дом. Дверь в подвал — массивную, дубовую, — была не просто заперта. Она была забита толстыми железными костылями, вогнанными в косяк и притвор. Работа пары часов с ломом. Или секунд — с нужным заклятьем.

Лира положила руку на холодное дерево. Она не чувствовала сложных охранных чар. Только грубое, тупое отвращение, исходящее от самой двери. Отвращение живого к смерти, запертой по ту сторону. И ещё... слабый, сладкий зов. Вино звало. Оно просилось наружу, чтобы его выпили, чтобы закончилась его странная, подземная жизнь.

— Отпирай, — прошептала она, и в её металлической перчатке вспыхнули руны. Не огонь, а сила чистой воли, направленная на железо. Костыли задрожали, заскрипели и один за другим начали выдавливаться наружу, падая на землю с глухим стуком. Дверь, с жалобным скрипом, отъехала на пару сантиметров.

Из щели хлынул воздух. Густой, влажный, пьянящий до головокружения. Запах вина, старой пыли и чего-то ещё... сладкого и гнилостного, как забродившие плоды в гробу.

Лира толкнула дверь сильнее и шагнула внутрь.

Погреб был огромным. Сводчатый потолок терялся в темноте. Полки, ломящиеся от бутылок и бочек, уходили вглубь, как ряды в библиотеке мёртвых. Но всё это богатство было покрыто толстым слоем пыли и паутины. И в центре, под самым потолком, где когда-то была вентиляция, теперь зияла чёрная дыра замурованного прохода. А перед ним, на небольшом каменном возвышении, стоял гроб. Простой, дубовый, тоже покрытый пылью.

И вокруг гроба, аккуратными рядами, стояли бутылки. Не на полках. На полу. Десятки, может, сотни бутылок. Они образовывали странный, почти ритуальный круг. И все они были открыты. Пробки валялись тут же. Но бутылки были полными.

Лира подошла ближе. Вино в них было тёмным, почти чёрным. Оно не испарялось. Оно ждало. Она почувствовала слабую вибрацию в воздухе — гул низких голосов, застольной песни, которая замерла на полуслове двадцать лет назад.

«Чарка». Не бутылка. Чарка. Значит, нужно было налить.

Она обошла гроб, ища кубок или хотя бы рюмку. И увидела его. На крышке гроба стояла простая глиняная чарка. И она была полна. Вино в ней было таким же тёмным, но на его поверхности дрожала тончайшая радужная плёнка, как на бензине.

Лира потянулась к чарке. В этот момент гроб за скрипел.

Не крышка. Сам ящик. Сухой, жуткий звук трения дерева о камень. И из-под него, из щелей в полу, потянулись лозы. Не живые. Сухие, чёрные, как проволока, усыпанные бутафорскими, жестяными листьями. Они поползли к её ногам со зловещей, растительной целеустремлённостью.

Защита. Не дух. Само место не желало отдавать последнюю дань мёртвому.

Лира отпрыгнула, выхватывая серп. Но лозы были быстры. Одна обвила её лодыжку, и прикосновение было леденящим, высасывающим тепло. Другая потянулась к её руке с чаркой. Она взмахнула серпом, перерубила лозу у самой земли. Та взвилась, как отрубленная змея, и из среза брызнула не сок, а тёмное, пахучее вино.

Всё это было слишком знакомо. Слишком... бутафорско. Как дешёвое представление.

И тогда она услышала хлопок. Один, громкий, как выстрел. Затем — запах серы, перебивающий винные пары.

На одной из бочек, в дальнем углу погреба, сидел Бездушник. В руках он держал бутылку с отбитым горлышком. Он отхлебнул из неё прямо так и поморщился.

— Отвратительно, — сказал он, бросая бутылку. Та разбилась, вино растекалось по полу тёмной лужей. Настоящая кислятина горя. Ни кайфа, ни глубины. Просто... уныние. Как и всё в этом месте.

Лира, перерубая ещё одну лозу, бросила на него яростный взгляд.

— Опять ты! Сделай что-нибудь полезное или сгинь!

— А я полезное и делаю, — демон спрыгнул с бочки и пошёл к ней, не обращая внимания на лозы, которые обвивали его ноги, а потом вяло отпадали, будто встретив нечто более мёртвое, чем они сами. Я оцениваю твой вкус. И пока он оставляет желать лучшего. Он остановился перед гробом, разглядывая чарку. Ты правда хочешь это? Эту бурду отчаяния старого психа?

— Мне нужно то, что в чарке, — процедила Лира, отбиваясь.

— Нет, — Бездушник покачал головой с видом разочарованного учителя. Тебе нужно красное вино. А это — чёрное. Оно выцвело от горя. Оно никуда не годится. Он повернулся к ней, и в его глазах зажглись знакомые огоньки азарта. Но я знаю, где взять нужное. Прямо здесь. Живое, яркое, алое.

Он повернулся и указал пальцем вглубь погреба.

— Хозяйская спальня. На втором этаже. Там, в потайном ящике стола, барон хранит единственную бутылку вина, которую привёз сын в день своей смерти. «Радость грядущей свадьбы», — думал старик. Он её никогда не откроет. Боится. В ней заперта последняя капля счастья, которую он может проебать. Вот это вино — оно красное. Оно кричит от жизни, которую у него украли.

Лира замерла. Лозы, будто почувствовав её нерешительность, тоже замедлили натиск.

— И как я до него доберусь? Через всю усадьбу? Через его слуг?

— Слуги? — Бездушник рассмеялся. — Здесь нет слуг. Только барон. И его «друзья». Он сделал паузу для драматизма. Он сошёл с ума, милая. Он нанял охрану, да. Но не людей. Теней. Души бывших слуг, которых он поубивал в припадках ярости. Они бродят по дому. Безликие, голодные. Они чувствуют живых. Особенно таких... ярких, как ты.

Он подошёл к ней так близко, что она почувствовала ледяное дыхание.

— Ты можешь попробовать пройти сама. Сжечь пол-особняка. Или... — его голос стал шёпотом, соблазнительным, как обещание самого сладкого греха, — ...мы можем заключить сделку. Маленькую. Я проведу тебя через дом. Тени меня не тронут — я для них пустое место. А ты получишь своё вино. А я... я получу право выбрать, из чего ты его выпьешь.

— Что? — не поняла Лира.

— Из чарки, из горлышка, из твоих ладоней — неважно, — он пожал плечами. — Но я хочу видеть, как ты это сделаешь. Хочу видеть твоё лицо в этот момент. Это будет... интимно.

Предложение висело в прокисшем воздухе. Рискнуть жизнью в доме с призраками или отдать демону ещё один кусочек своего частного мира — момент своей слабости, когда она будет пить вино, добытое через боль.

Лира ненавидела его в этот момент лютой, всепоглощающей ненавистью. Он играл с ней, как кошка с мышью, подсовывая выбор между плохим и ужасным.

— И если я откажусь? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Тогда останешься здесь, — он махнул рукой в сторону лоз, которые снова начали шевелиться. С этим дешёвым ужасиком. И я посижу, посмотрю. Мне и это зайдёт.

Он был непоколебим. И он был прав. Лозы уже оплетали её ноги по колено, холод проникал сквозь кожу. Время кончалось.

— ...Ладно, — выдавила она. — Веди. Но только до вина.

— Конечно, только до вина, — улыбнулся Бездушник, и в его улыбке не было ничего, кроме лжи. Он щёлкнул пальцами.

Лозы вокруг неё мгновенно засохли и рассыпались в пыль. Давление в погребке ослабло.

— Пошли. И не отставай.

Он повёл её обратно к двери, но не через неё, а вглубь погреба, к тёмной, почти незаметной лестнице, ведущей наверх, прямо в особняк.

Дом был тихим. Не просто безмолвным. Глухим. Звуки их шагов поглощались коврами из пыли. Луна, пробивавшаяся через разбитые окна, освещала запустение: опрокинутую мебель, портреты с выколотыми глазами, высохшие букеты в вазах. И везде — тени. Не просто темнота. Отдельные сгустки тьмы, которые стояли неподвижно в углах, у дверей, на лестнице. Когда они проходили мимо, те поворачивались — безликие, но ощутимо внимательные. Они следили. Но не за Бездушником. За ней. Их безглазой внимательности было достаточно, чтобы по спине бежали ледяные мурашки.

Демон шёл впереди, небрежно, будто гуляя по парку. Иногда он останавливался перед особенно мрачной тенью и делал ей реверанс. Тень при этом отшатывалась, будто обожжённая.

— Не любят меня здесь, — пояснил он шёпотом, полным веселья. Я напоминаю им, что они — всего лишь тени. А они хотят быть призраками. Претенциозные ублюдки.

Они поднялись на второй этаж. Длинный коридор с рядами дверей. Бездушник безошибочно направился к одной, самой массивной, из тёмного дерева.

— Кабинет барона, — прошептал он. Он там. Спящий. Или притворяющийся. Неважно. Вино — в столе. Прямо перед ним. Смелая, да?

Лира кивнула, её сердце бешено колотилось. Она приоткрыла дверь. В огромном кабинете, в кресле у камина (давно потухшего), сидел старик. Барон Ренар. Он был худ, как скелет, обтянутый пергаментной кожей. Глаза закрыты. Руки, похожие на птичьи лапы, сжимали подлокотники. За его спиной стояли три самые плотные, самые тёмные тени — его личная охрана.

А на массивном дубовом столе, прямо перед пустым креслом, стояла бутылка. Она была одна-одинёшенька. Пыль вокруг неё была стёрта, будто её часто брали в руки, но не открывали. Вино в ней, даже в лунном свете, казалось алым, как свежая кровь.

Лира сделала шаг вперёд. Тени за креслом барона вздрогнули. Одна из них сделала шаг в её сторону.

— Ах-ах, — тихо цыкнул Бездушник с порога. Он не вошёл в комнату. Он просто посмотрел на тень.

И тень застыла. Не от страха. От... очарования. Бездушник смотрел на неё, и в его взгляде была вся сила демона-искусителя, направленная на это бесформенное создание. Тень заколебалась, её контуры поплыли. Она забыла о Лире. Она была поймана в ловушку его внимания.

— Бери своё вино, дорогая, — сказал демон, не отводя взгляда от тени. — У нас мало времени. Его очарование долго не держится на такой... простой пище.

Лира проскользнула в комнату. Её шаги были бесшумными. Она приблизилась к столу. Барон пошевелился во сне, пробормотал что-то невнятное. Лира застыла. Его веки задрожали, но не открылись.

Она протянула руку к бутылке. Взяла её. Она была прохладной. И... тяжёлой. Не физически. Груз памяти, радости, которая так и не случилась, давил на душу.

Она повернулась, чтобы уйти. И в этот момент барон открыл глаза.

Они были молочно-мутными, безумными. Он уставился не на неё. На бутылку в её руках.

— ...Верни... — прохрипел он. — ...сынок... моё...

Тени за его спиной встрепенулись, вырываясь из транса Бездушника.

— Беги! — крикнул демон, и в его голосе впервые прозвучало не игра, а команда.

Лира рванулась к двери. Барон поднялся с кресла с неестественной для старика скоростью.

— ВЕРНИ! — заорал он, и его голос был полон такой безумной, животной тоски, что стены задрожали.

Тени ринулись вперёд, превращаясь в когтистые, холодные руки тьмы. Лира выскочила в коридор, Бездушник захлопнул дверь прямо перед носом первой тени. Дерево затрещало под ударами.

— Лестница! Вниз! — демон схватил её за локоть — его прикосновение было обжигающе-ледяным — и потащил за собой.

Они неслись по коридору, срывая с себя паутину, спотыкаясь о хлам. Сзади грохотала дверь, и вместе с рёвом барона теперь сливались и голоса теней — шепчущие, полные голода.

Они слетели вниз по лестнице, ворвались в холл. Входная дверь была заперта на тяжёлый засов. Бездушник, не останавливаясь, махнул рукой. Засов вырвался из петель сам собой и с грохотом упал. Дверь распахнулась под напором ночного ветра.

Они вывалились на улицу, в заросли сада. Лира бежала, не оглядываясь, пока не скрылась в чаще леса за границей поместья. Только там она остановилась, прислонившись к дереву, давясь кашлем и пытаясь отдышаться.

Рядом, небрежно опираясь на ствол, стоял Бездушник. Он не был запыхавшимся. Он смотрел на неё с тем же, ненасытным интересом.

— Ну? — спросил он. — Ты получила своё вино. А я жду своей части.

Ли́ра посмотре́ла на бутылку в своей руке. Она была цела. Вино внутри чуть побулькивало, будто живое.

— И что ты хочешь? — хрипло спросила она.

— Выпей, — просто сказал он. — Здесь. Сейчас. Прямо из горлышка. Дай мне увидеть, какое выражение будет на твоём лице, когда ты проглотишь чужую, несостоявшуюся радость.

Это было мелко. Глупо. Унизительно. Но это была цена.

Ли́ра, не отрывая от него взгляда, полного ненависти, поднесла бутылку к губам. Она отломил восковую печать зубами, выплюнула её. Потом наклонила бутылку.

Вино хлынуло ей в рот. Оно было сладким. Чересчур сладким. Как свадебный торт, который начал бродить. В нём было пьянящее ощущение надежды, смеха, ожидания... и горькое послевкусие того, что всё это было выброшено на помойку. Она сделала один глоток, потом второй, чтобы выполнить условие. Потом опустила бутылку. Часть вина потекла у неё по подбородку, как алая кровь.

Она смотрела на демона, вытирая губы тыльной стороной руки. На её лице не было ни удовольствия, ни отвращения. Только пустота. Пустота человека, который сделал то, что должен, и ненавидит себя и всё вокруг за эту необходимость.

Бездушник смотрел на неё, и его глаза горели. Он втянул воздух, будто пробуя аромат.

— Идеально, — прошептал он. — Идеальная смесь горечи, стыда и... покорности. Как по рецепту. Он сделал шаг назад, растворяясь в ночи. До следующего ингредиента, моя дорогая аптекарьша. Ищи дальше. Я буду следить.

Он исчез.

Глава 7. Кусок коры смолянистой согнутой ели

Лес, куда её привела старая карта и шепот болотных духов, не имел названия на человеческих языках. В древних свитках его обозначали знаком, похожим на сломанный позвоночник. Лес Согбенных Деревьев.

Он начинался не сразу. Сначала были обычные сосны и ели, высокие, прямые, гордые. Но с каждым шагом вглубь стволы начинали креститься. Не от ветра — они были наклонены в одну сторону, к темному центру чащи, будто в ужасе отшатываясь от чего-то, что было позади. А потом начались они.

Ели. Но не те, что знала Лира. Их стволы были искривлены в неестественных, мучительных позах. Одни скрючились, будто от удара в живот. Другие изогнулись дугой, словно пытаются убежать, укоренившись на месте. Третьи скрутились спиралью, их кора потрескалась, сочась тёмной, почти чёрной живицей. Воздух был густым от этого запаха — не свежей хвои, а смолы, смешанной с болью. Смолы, которая была не целебным бальзамом, а слезами дерева. В тишине, нарушаемой лишь скрипом стволы, стоял низкий, едва уловимый стон. Не ветра. Самого леса.

Лира шла, и ей хотелось сторбиться, поджать плечи. Давление было не физическим, а эмоциональным. Это место впитывало страдание и теперь излучало его обратно, как болото — миазмы. Мрак шёл, прижав уши, его обычно бесшумная поступь теперь отдавалась глухим стуком — земля здесь была мёртвой, уплотнённой отчаянием.

Она искала не просто согнутую ель. Искала ту, что была согнута первой. Ядро заразы. Ту, чья боль исказила всё вокруг. По легенде, это было дерево, на котором много зим назад повесили невинную. Но не просто повесили. Привязали к нему так, что в агонии человек ломал себе кости о ствол, а дерево, впитав эту муку, начало расти, повторяя конвульсивные изгибы умирающего тела.

Она почувствовала её раньше, чем увидела. Волну холодного ужаса, исходящую из самой сердцевины леса. Лира двинулась навстречу, отталкиваясь от стволы, которые, казалось, тихо шептали ей вслед: «Уйди. Уйди. Уйди.»

И вот она предстала перед ней.

Ель была огромной и чудовищной. Её нижняя часть была выгнута назад, будто от мощного удара. Потом ствол резко уходил вбок, образуя неестественный угол, и там, на высоте человеческого роста, кора была стёрта до светлой древесины — след от верёвки, вросший в плоть дерева за столетия. Выше ствол извивался, как скрюченная спина, а ветви, вместо того чтобы тянуться к солнцу, свисали вниз, как безжизненные, игольчатые космы. Из всех трещин, из «раны» от верёвки, сочилась смола. Не золотистая, а тёмно-багровая, почти чёрная. Она медленно стекала по коре, густая и липкая, как запекшаяся кровь.

Это было оно. Древо-плакальщик. Древо-жертва.

Лира подошла, преодолевая желание бежать. Воздух вокруг ели был ледяным и густым, как сироп. Она достала свой костяной нож. Ей нужно было срезать кусок коры именно с того места, где была «рана». Где боль была сконцентрирована.

Она протянула руку. И в этот момент стон леса усилился, сфокусировавшись в одном, чётком, пронзительном голосе. Детском.

— Не тро...гай... — прошелестело из трещин в коре, из шелеста иголок. — ...больно...

Лира замерла. Это был не дух повешенного. Это был голос самого дерева. Примитивный, древний, полный животного страдания.

— Мне нужно, — тихо сказала она, и её голос прозвучал хрипло. — Мне очень нужно.

— ВСЕМ БОЛЬНО! — завопило дерево, и его крик был подобен скрежету тысяч ветвей. Ветви-космы вокруг неё дёрнулись, превратившись в хлысты, и рванулись к ней, чтобы схватить, обвить, задушить.

Лира отпрыгнула, но одна ветвь обвила её запястье. Прикосновение было леденящим, и в голову тут же ударила волна чужого ужаса: ощущение петли на шее, хруст ломающихся рёбер о твердь ствола, последний взгляд на солнце сквозь хвою...

Она вскрикнула от боли и отвращения и ударила по ветви пламенем с ладони. Синий огонь лизнул древесину, и ветвь отдернулась с шипением, но не отпустила. Дерево было слишком пронизано магией страдания, чтобы обычный огонь мог его отпугнуть.

Ветви сходились, образуя вокруг неё клетку. Стон превращался в торжествующий, мстительный рёв. Она была в ловушке.

И тогда из тени корней выползло нечто. Не Мрак. Что-то темнее. Тень, которая не просто поглощала свет, а, казалось, пожирала сам звук. Она материализовалась в знакомую фигуру с крыльями.

Бездушник стоял, глядя на схватку, с выражением... скуки.

— Опять? — вздохнул он. — Опять ты лезешь в пасть к чему-то, что хочет тебя лишь замучить? Где изящество, Лира? Где хитрость?

— Помоги, тварь! — выкрикнула она, отбиваясь от другой ветви, которая тянулась к её горлу.

— Зачем? — демон склонил голову набок. — Чтобы ты снова взглянула на меня с тем же пустым взглядом покорного животного? Нет, спасибо. Одного раза с вином мне хватило. Это было... пресно.

Ветвь сжала её запястье так, что кости затрещали. Боль пронзила руку. Лира вскрикнула.

— Хотя... — Бездушник сделал шаг вперёд. Ветви не тронули его. Они просто обтекали его, будто не замечая. — Может, ты предложишь что-то новое? Не действие. Не момент. Слово.

Он остановился в шаге от неё, по другую сторону ветвистой клетки. Его глаза светились в полумраке холодным интеллектом.

— Скажи мне, зачем? Зачем тебе этот мерзкий пазл? Зачем эта кора, это вино, этот пепел? Что ты варишь в своём котле, Чёрная Лиса, что стоит таких унижений?

Ли́ра стиснула зубы. Ветвь сжималась всё туже. Ещё немного — и кости сломаются.
— Не твоё дело!

— О, ещё как моё! — его голос стал резким, впервые потеряв бархатные нотки. — Ты собираешь эмоции. Самые сильные, самые гнилые. Ты создаёшь эликсир, мощнее которого я не видел столетия. И я хочу знать — для чего? Для власти? Для бессмертия? Или... — он прищурился, — ...для чего-то столь же банального, как любовь?

Он попал в точку. Его слова, как лезвие, вошли в самую защищённую часть её души. Она не ответила. Но её молчание было красноречивее крика.

Бездушник медленно улыбнулся. Улыбкой охотника, нашедшего след.

— Так. Значит, любовь. К кому? К тому, кто тебя предал? Нет... ты бы мстила, а не собирала эту... аптеку скорби. К тому, кто умер? Его глаза расширились от внезапного озарения. Воскрешение. Ты хочешь вернуть мёртвого. Кого?

Ли́ра отвернулась, но было поздно. Демон читал её, как открытую книгу.

— Сестру, — выдохнул он с почти религиозным благоговением. — Ты хочешь воскресить сестру. На столько лет позже... Какая преданность. Какая... глупость.

— Заткнись! — рыкнула она, и слёзы — от боли, от ярости, от беспомощности — выступили у неё на глазах.

— Я помогу тебе, — вдруг сказал он тихо. — Я сниму с тебя эти ветки. Дам взять кору. И не потребую ничего... сейчас.

Она с недоверием посмотрела на него.

— Но в ответ, — продолжал он, — ты признаешься. Вслух. Себе. Мне. Этому дереву. Скажи, что всё это — боль, которую ты собираешь, мерзость, через которую продираешься, наши с тобой... свидания — всё это ради одной-единственной, бледной, разложившейся в земле девочки. Ради призрака.

Он хотел не информации. Он хотел унижения её причины. Хотел, чтобы она сама обесценила свою цель, произнесла её вслух в этом месте насмешки и боли. Чтобы её вера дала трещину.

Ветвь сдавила запястье так, что тёмные пятна поплыли перед глазами. Боль была невыносимой. А выбор — невозможным.

— Ладно! — выкрикнула она, срываясь на крик. — Ладно, сука! Да! Ради сестры! Ради Алины! Я хочу её вернуть! Я ВЕРНУ ЕЁ, ПОНЯЛ?!

Последние слова она проревела в лицо и демону, и лесу, и самой себе. Эхо прокатилось по чаще, и на миг воцарилась полная тишина. Даже дерево замерло, будто прислушиваясь.

Бездушник смотрел на неё. В его глазах не было насмешки. Было... удовлетворение. Глубокое, сытое удовлетворение.

— Вот и хорошо. Честность — редкая валюта.

Он щёлкнул пальцами.

Ветви, держащие её, засохли в одно мгновение. Не сгорели, не сломались. Они просто стали ломкими, мёртвыми и отпали, рассыпаясь трухой. Дерево издало долгий, скорбный вздох и затихло, как будто сила, питавшая его ярость, иссякла.

Лира упала на колени, схватившись за онемевшее запястье. Оно было изуродовано синяком в форме ветви, но кости, кажется, были целы.

Она подняла голову. Бездушник уже стоял у ствола. Он провёл пальцем по струйке тёмной смолы, потом поднёс палец к носу, вдыхая аромат.

— Бери свою кору. Пока оно спит.

Лира, не глядя на него, подползла к дереву. Её руки дрожали, но она вонзила нож в кору у самой «раны» и с силой дёрнула. Кусок коры, пропитанный чёрной живицей, с треском отделился. Он был тёплым и пульсирующим в её руке, как вырезанный кусок плоти.

Она сунула его в мешок, встала и, не оглядываясь, пошла прочь от дерева, из этого леса кошмаров. Она не слышала шагов демона, но знала — он наблюдает.

Его голос донёсся до неё, уже из далека, тихий и задумчивый:

— Любовь... Какая скучная мотивация. Но процесс... процесс обещает быть восхитительным. До встречи у следующего пункта твоего списка, сестролюбка.

Она шла, пока не вырвалась из леса Согбренных Деревьев на обычную, солнечную поляну. Только там она позволила себе опуститься на землю и разрыдаться — тихо, беззвучно, от стыда, боли и страшной, леденящей душу правды, которую она только что выкричала в мир.

Глава 8. Прах младенца, что в колыбели матерью задушен был

Это была не могила. Могилы предполагали покой, ритуал, принятие. Здесь ничего принято не было.

Место называлось Дом Молчаливых Стен. Заброшенная ферма на отшибе, куда даже самые отчаянные мародёры не заглядывали. Говорили, что сорок лет назад молодая жена фермера, Мирна, в припадке послеродового безумия, задушила в колыбели своего первенца — мальчика. Муж, вернувшись с поля, нашёл её качающей пустую люльку и напевающей колыбельную. Он сошёл с ума на месте, зарубил её топором, а потом повесился в сарае. Дом стоял с тех пор. Никто не осмеливался войти. Говорили, стены внутри впитывали звуки — плач, крипы, последний вздох, — и теперь тишина там была такой плотной, что в ней тонул рассудок.

Но Лире был нужен не дом. Ей был нужен прах. Не из могилы — ребёнка, как и мать, по слухам, сожгли за порогом дома, не отпевая, и прах развеяли по полю. Но земля не приняла его. Она удержала. Сконцентрировала в одном месте — там, где мать, уже мёртвая, но ещё не осознавшая этого, в последней спазме бросила горсть пепла. Там, по легендам, ничего не росло. Только земля была серой, как пепел, и холодной даже в самый жаркий день.

Лира стояла на краю этого поля, заросшего бурьяном. Впереди, среди высокой травы, зияло пятно. Оно было метров пять в диаметре. Трава на нём была низкой, чахлой, цвета ржавчины и пепла. От пятна веяло не просто холодом. Отсутствием. Отсутствием жизни, звука, даже запаха. Воздух над ним не колыхался.

Мрак, стоявший рядом, издал тихий, предостерегающий звук — не рычание, а скорее стон. Его шерсть стояла дыбом. Он пятился.

— Подожди здесь, — мысленно приказала ему Лира. Её собственный голос в голове звучал чужим. — Это... я должна одна.

Она сделала шаг к пятну. И тут же почувствовала взгляд. Не из дома. Из самого пятна. Пустой, безглазый, полный тихого, безумного вопроса. Вопрос, на который не было ответа. «За что?»

Ноги стали ватными. Каждый шаг давался с нечеловеческим усилием. Она дошла до границы пятна и заглянула внутрь. Земля была не землёй. Она была мелким, серым порошком. Прахом, смешанным с почвой так, что разделить их было невозможно. В центре лежал небольшой, почерневший от времени клочок ткани — вероятно, от пелёнок.

Лира опустилась на колени на самой границе. Она достала маленькую серебряную лопатку и свинцовую шкатулку, украшенную рунами молчания — чтобы то, что внутри, не кричало в её сумке.

Она протянула лопатку, чтобы зачерпнуть горсть пепельной земли.

И поле взорвалось тишиной.

Не звуком. Его отсутствием. Давящим, физическим, выворачивающим уши наизнанку. Лира вскрикнула, но не услышала собственного голоса. Она была в пузыре абсолютной, совершенной немоты.

А потом в этой тишине зазвучали голоса. Не ушами. Внутри черепа. Чужие, наложенные друг на друга.

Жарко... так жарко в голове... он не плачет... почему он не плачет? Он смотрит... Женский шёпот, сбивчивый, полный паники и нарастающей ярости.

Тише, сынок... мама здесь... всё будет хорошо... вот так...

Тот же голос, но уже нежный, убаюкивающий. И в этой нежности — леденящая душу неправда.

ХРУСТ.

Кратковременный, сухой, кошмарно-чёткий звук.

Не дышит. Не дышит. Не Дышит. Не Дышит. Не ДЫШИТ.

Мысли, превратившиеся в спираль паники.

А потом мужской рёв, полный такого невыразимого ужаса и горя, что Лире захотелось разорвать себе уши, лишь бы не слышать этого. Рёв, переходящий в нечленораздельные вопли, в звук ударов топора по плоти, в хлюпанье...

Лира упала на четвереньки, судорожно дыша, но не слыша своего дыхания. Её захлёстывало волнами чужого безумия и боли. Она пыталась отгородиться, возвести стену, но эти голоса были не магией. Они были памятью места. Проклятием, вплавленным в самую материю.

Она зажмурилась, пытаясь сосредоточиться на своём собственном огне, на своей ярости. Но даже ярость казалась здесь бледной, ничтожной свечкой перед чёрным солнцем этой трагедии.

И тогда, сквозь водоворот кошмаров, она почувствовала другое присутствие. Не жёсткое. Не давящее. Наблюдающее. И... возбуждённое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.